

— Деда, а ты видел этих головорезов из «Бранденбург-800»? — Да как тебя сейчас. Здорово они нам напакостили, но и у нас были умные люди и мы с ними стали разбираться. Например, едем в грузовике «Ярославка», полный солдат, командир в кабине, все чистенькие, да у «ППШ» лакированные приклады, а вот ремни — брезентовые. Уже сигнал. Да по-русски из них около половины понимало и говорило. Так что, кто на вопрос не отвечает — второй сигнал и сразу — огонь на поражение. Мы с дедом сидели на чердаке его большой дачи. Я такую комнату тут оборудовал и постоянно приглашал сюда своих подруг, «пообщаться», естественно — с ночёвкой. Да и мои 19 лет нужно отметить! Маман моя возмущалась и была против, а вот дед — совсем наоборот. Мамочка моя даже как-то решилась на хитрый шаг, по её мнению. Пришла она как-то из гостей весьма «подшafe», позвала меня (мол поговорить) и сорвала мне свидание с такой аппетитной доярочкой! Так что я решил этот вопрос по-своему — у меня сейчас период гипер-сексуальности! Вскоре моя маман лежала на животе и повторяла свою обычную в таких случаях «серенаду»: — Ой, что ты делаешь, Петечка? Ой, зачем ты... Ой-ой, как хорошо... Перестань, не нужно... Какой ты бессовестный, это так плохо... Ой-ой. как мне хорошо, не останавливайся, продолжай, ещё немного и я скоро кончу... Негодяй... Ой. как хорошо... Как мне сейчас хорошо-о-о... Ой, только в меня не кончай, ой, какой ты страшный... Кончай мне в попку, только смажь... Ой. как мне хорошо-о-о... Только в меня не кончай... Развратник ты, Петюнчик...

Вот теперь она меня не трогает, зато я могу её «потрогать», когда организм мой потребует. Кстати, в постели с моей мамочкой получше, чем с моими местными подругами, да и в попку они мне не дают — сливай мол в полотенце. А попка у мамули классная! Но вот сегодня я обошёлся без своих подруг в этом селе. Мы здесь обычно проводим свой отпуск, папка приезжает только на выходные. А мы с дедом сидим на чердаке, тут прохладно, есть квас, есть и покрепче, полно еды и я с восторгом слушаю воспоминания моего, уже сильно захмелевшего любимого деда... Как-то под вечер, мы в заслоне останавливаем «эмку». За рулём сержант, рядом капитан НКВД, сзади весьма миловидная блондинка — мол, жена этого капитана. Я был старшим лейтенантом, командиром погранзаставы, нас за три дня до войны отправили в тыл, ставить такие вот заслоны — значит ждали войну. И так «обосрались»! Все потом говорили, что вместо обороны упрямый до идиотизма и туповатый начальник Генштаба Жуков кинул всю танковую армию в наступление. Кретин! Да без снарядов, да без горючего, почти без патронов и без жратвы. Голодный солдат — это не солдат! Но я отвлёкся, внучок... Смотрю, у дверцы машины висит маузер, на нём пластинка с гравировкой «Товарищу Леоненко от руководства ОГПУ». А это мой начальник погранотряда, значит его уже того... Я почесал пальцами левой руки правое ухо — будем браты! Старшина Сергеенко и сержант Хрусталёв ножами аккуратно ликвидировали капитана и сержанта, а блондинке я, как меня обучил сам Харлампиев, ловко пережал сонную артерию (чуть-чуть), она обмякла и мы в машину и к нашему штабу.

Один только я из командиров оказался, наш майор Леоненко значит погиб, капитан наш просто пропал после налёта «Юнкерсов», так что парни отправились к нашему новому блок-посту, а я занялся допросом. Блондиночку звали Валерией. Я связал ей руки сзади крепко и, как только она очнулась, подтащил к машине. Смотри мол, они уже готовые. И не

надо мне ничего рассказывать — расстегнул им гимнастёрки, а там — немецкая форма. Ну что, говорю, делаю тебе снисхождение. Какое? Так смерть свою выбирай сама: пулю в лоб, ножом зарезать или у стенки из винтажа грохнуть. А красивая прибалтичка оказалась — я только сейчас её рассмотрел. Затащил я её в дальнюю комнату и бросил на кровать, мол, сейчас мы с тобой разберёмся, если будешь молчать... — Дорогая Лера, (это её настоящее имя) Так вот, догматизмом я не страдаю, так что сейчас займусь способами унасекомления врагов нашей страны. Проверил я своё оружие, пощёлкал предохранителями и тут, эта Лера «поплыла», позвав меня. Оборачиваюсь — интересный коленкор! Руки, связанные сзади, она ловко, прямо как гимнастка, протащила под своей попкой, и, лёжа на спине, умудрилась достать из чулка маленький хромированный «Вальтер» — держит его пальцами. Так что теперь она банкует. Хорошо, говорю, вот моё оружие тебе, а сам смеюсь. Потом, швырнув ей в лицо свой трофейный «Люгер», быстро забираю у неё оружие.

Ну вот, дорогая: во-первых, твой пистолетик стоит на предохранителе, а во-вторых, патрона в стволе нет, так? Так как ты стрелять собирались? А пугать меня нечего, я пограничник — пуганый уже... Она заплакала так тихо, а видок ещё тот! Ноги, согнутые в коленях, она чуть расставила, чтобы вытащить из чулка пистолетик этот. Юбка задралась к талии и ножки её красивые открыты полностью, трусы розовые тоже. А ножки — это тоже оружие женщины! Чулочки были с кружевной резинкой и красными бантиками впереди. И тут я почувствовал, что моему члену стало весьма тесно в галифе, аж ширинка трещит. А эта шпионка-диверсант подлая всё поняла и позвала меня поближе, горячечно зашептав: — Товарищ командир, миленький, не убивайте меня! Я и жизни ещё не видела, я совсем молодая, меня насильно в эту разведшколу затащили, в этот чёртов «Баденбург». Я всё вам расскажу, я всё помню, что слышала, у меня хорошая память. Только не убивайте! Я вас умоляю, я всё для вас сделаю! Возьмите меня, как хотите... Вот уж это воздержание! Не выдержал я, лёг с ней рядом. — Ты же сама наверное этого хочешь? — с этими словами я опустил руку на её животик, немного погладил и стал опускаться еще ниже. Заодно я освободил ей руки. А какая вкусная у неё грудь! Я впился ртом в грудь, как голодный младенец. Пройдясь поперек кружевного пояса, я дошел до её горячей киски и стал пальцем массировать её клиторок. Гладил её ножки сквозь тонкую ткань чулок, при этом покрывал поцелуями и лизал её плечико и сладкую шейку — какая она вкусная!

Моя пленница начала учащено дышать, прикрыв глаза и схватившись своей нежной ладошкой за мой член. Я начал все активнее тереть этот чудный бугорок и вот, её половые губки разошлись, открыв «вход». Я прошёлся пальцем дальше и погрузил его в дырочку, из которой уже активно текла влага. Тут же, подключив к действию второй палец, я совершил пару возвратно-поступательных движений и скоро в её плотном отверстии было уже три моих пальца. Мы лежали таким образом, что Лера одним боком лежала на мне, положив голову на грудь. Одной рукой я приобнимал эту соблазнительную негодяйку, которая поклялась помочь нашим, поглаживая её вроде хрупкое, но сильное плечико, а пальцами второй надрачивал её нежную, узкую писечку. Она же нежно гоняла шкурку моего каменного члена, который, как мне казалось, продолжал расти. Меня до ужаса возбуждало происходящее — мы с Лерой сейчас занимаемся взаимной мастурбацией. Меня все больше заводило ощущение того, что я обнимаю и доставляю удовольствие женщине, хотевшей ранее убить меня. Мне нравилось ощущать, как извивается и стонет её тугое и сладкое для меня тело. Мягкие, но в то же время упругие стенки узкой горячей вагины сокращались, нежно сжимая мои пальцы. Я

загонял свои пальцы практически на всю длину, в эту развратно хлюпающую вульву, попутно массируя большим пальцем этой же руки, её клитор. — Войди в меня, я очень соскучилась. Мой муж погиб в Варшаве, я так страдаю, только не убивай меня, я так хочу жить! Её горячечный шёпот... и я уже у неё между ножек. И, как писал один писатель: — «И пусть весь мир подождёт!» Мы с ней слились в одно целое!

От длительного вынужденного воздержания я был, как дикий зверь, дважды подряд кончив в лоно Леры. Она шептала мне на ухо, что балдеет от ощущения моего горячего семени в своей матке и хочет стать мамочкой, а вовсе не воевать. Потом она поласкала мой опавший член своим ротиком, немного вначале напугав меня, но от чудесного удовольствия я вновь возбудился. Лера встала «рачком» и как только она кончила (похоже тоже сильно соскучилась по сексу), я нахально всунул своего «бойца» между её худых ягодиц. Лера охнула, было тут, но я вошел до конца и стал вновь изливаться. Вскоре мы привели себя в порядок, я посадил Леру за стол, сунул ей несколько чистых листов бумаги и три карандаша — пиши всё, подруга! Явки, пароли, тайные склады, схроны, всё, что помнишь. Она попросила поднять заднее сидение в машине — там два портфеля. В одном полно денег, а во втором золотишко — ограбили по дороге банки и ювелирный магазин.

Положив четыре исписанных листа в свою командирскую сумку, я предложил ей поесть — мы оба сильно проголодались. В сумке капитана полно отличной польской колбасы! Мы её называли полевая сумка-планшет, а в ней не карты и документы. а колбаса. И, самое главное — в бардачке «эмки» подробные карты (снимали немецкие самолёты-разведчики, ведь их запретили сбивать) Как только мы поели, Лера подскочила и взвыла: — Бежать нужно!

Вскоре именно тут будет большой десант! Собирай своих и убегаем! Я сказал своим на посту, что поступил новый приказ и мы выдвигаемся — немцы прорвались! Отъехав на пять километров, мы в бинокль увидели высадку большого десанта. Всё небо было в парашютах, даже недалеко от нас опускалось трое парашютистов. Но наши «ППД» прострочили свою песнь смерти. Забрав их документы, оружие — МП-38 «Эрма», большой мешок десантников с боеприпасами и сухим пайком, мы рванули к штабу армии.

В штабе у нас конечно отобрали нашу «Эмку», зато мы со старшиной нахально реквизировали ЗиС-5 и, получив на руки приказ о создании заградотряда, поехали в тыл. Там я, сказал своим, что Лера — наша разведчица, что она была легко ранена. Потом посадил её на санитарный поезд, ночью понёсший всех своих пассажиров в тыл. Деньги и золото мы с ней поделили пополам и наши дороги разошлись. Можно её было сдать в особый отдел, да что значит одна жизнь на весах войны, где гибли миллионы! Через две недели, останавливая отступающих воинов, мы сформировали так две роты. Они у моста ещё три дня бились с отрядами Гудериана, а мы отступали дальше, вновь создавая наши заградотряды. Вскоре к нам из леса вышли три перепуганные девушки, явно спортсменки — все высокие, крепкие, очень симпатичные, только одежда у них вся разорванная. Узнав, что две из них мёдсёстры, а третья, постарше — врач, я приказал их переодеть в чистую форму и выдал (своей властью) им временные удостоверения. Девушки оказались весьма грамотными специалистами — из подбитой немецкой санитарки им принесли три сумки с лекарствами и инструментами. Та, что врач, Светлана Владимировна, ловко провела несколько операций, прямо в полевых условиях. А когда притащили и отремонтировали эту немецкую санитаку, то и в ней — там был отличный операционный стол, с подсветкой от аккумуляторов. Мы всё время двигались, отступая на восток. Из написанных показаний Леры, я понял, что рядом два схрона с

медикаментами и продуктами. Сказав своим, что тут партизанская база и нужно всё забрать, чтобы не досталось немцам, мы так и сделали. Так что, мы были обеспечены продуктами и медикаментами.

Под Москвой, остановившись в одной деревне, мы охраняли наш госпиталь, практически созданный этой предпримчивой Светланой Владимировной. Заодно ловили немецких разведчиков и диверсантов. Потом отправляли их в наш тыл буквально тысячами.

Девушки-медсёстры ночевали в одном доме со мной и (видимо в знак благодарности за своё спасение), по очереди спали со мной. Через год одна забеременела и я женился на ней. Ну, а раз немцев немного отогнали от Москвы, то мы так и остались на охране госпиталя. Можно сказать, тут нам было почти спокойно. Основная головная боль при создании МГБ оказалась после войны! Ну вот, внучок, что хочешь думай, но эта враачиха не из нашего мира, я точно уверен. Она возмущалась, что у нас не было пенициллина, что нет одноразовых шприцов, да ещё и некоторые выражения. Я с ней ездил в Москву за медикаментами, так мы там остановились на одной квартире и две ночи спали вместе. Это была женщина не из нашего времени, точно! Она так делала минет, что я просто «улетал». Потом её забрали на повышение, она получила звание военврача второго ранга и стала главным хирургом госпиталя — её умение оценили. А мне было неплохо так до самого конца войны. Деньги и золотишко, поделенное с Лерой, сильно выручали нас с женой. Пока меня не отправили в Прибалтику. Но это уже другая история!

Воспоминания моего любимого деда крепко засели в моей памяти и я при случае записал их. Кстати. дед был не промах — обожал девушек, как я!